

А.К. Нарышкин

ЗАМЕТКИ О ТЕАТРЕ ВРЕМЁН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

«В преддверии войны 1812 года и в последующие годы на театральных сценах Москвы и Петербурга усиливался интерес к национальным народно-героическим и народно-жанровым темам, связанным с современностью»¹.

«Огромный патриотический подъем в русском обществе вызвала Отечественная война 1812 года. В. Белинский писал: "Двенадцатый год был великой эпохой в жизни России. Напряжённая борьба на смерть с Наполеоном пробудила дремавшие силы России и заставила её увидеть в себе силы и средства, которых она дотоле не подозревала". Развитие русской общественной мысли определило направление всего русского искусства первой четверти XIX века, в том числе и театра»².

«К началу 1812 года русское правительство оказалось в тупике. Административные реформы застопорились из-за яростного дворянского сопротивления. Перед Александром маячила участь его отца. Вместе с тем и союз с Наполеоном себя не оправдал. Тильзитский мир оборачивался очередным перемирием, и прерванную пять лет назад войну приходилось начинать заново. Только теперь предстояло вести её в глубине собственной страны, а не за границей.

Царю пришлось смиренно протянуть руку российскому дворянству. В марте 1812 года был арестован (якобы по подозрению в измене) и выслан из столицы Сперанский»³.

Декабрист Н.И. Лорер вспоминал: «1812 года 23 января... я оставил благословенную Малороссию, простился с родною кровлею, под которой счастливо и беспечно провёл первые годы моего детства.

Мне было 18 лет, когда судьба бросила меня, неопытного юношу, в бурное житейское море.

Приехав в Москву, я остановился у своего дяди по матери, князя Д.Е. Цицианова. <...> Я застал Москву в веселостях и удовольствиях. <...> А.Л. Нарышкин (обер-камергер) только что приехал в первопрестольную с многочисленную свитою молодых людей. Помню красавицу трагическую актрису, mademoiselle George, которая играла и в доме моего дяди»⁴.

Наступил 1812 год, знаменательный в истории русского царства.

Всесторонний подъем репертуарной части в управление Нарышкина засвидетельствован как показаниями современников, например Зотова и Жихарева, так и подъемом сборов в театрах⁵.

Р.М. Зотов был принят в контору Дирекции театральных зрелищ 27 января 1812 г. сверхштатным чиновником, потом ещё и переводчиком, а впоследствии помощником члена дирекции по репертуарной части и управляющим немецким театром. «Театральная контора, в которой я служил, – вспоминает Зотов, – находилась тогда на Крюковой Канаве в угольном доме (Брагина) и Кашина моста (она вскоре была переведена напротив в дом Иванова по Екатерингофскому проспекту). Главного Директора, Александра Львовича Нарышкина, мы, конечно, никогда не видали. Присутствовали только два члена: репертуарной части и хозяйственной. Первым был действительный статский советник, князь [Александр] Александрович Шаховской, – а вторым статский советник Титов. <...>

Лучшая система существования театра бесспорно в России. <...>

По нашему мнению, театры нигде в свете не должны бы были отдаваться на жертву и эксплуатацию антрепренеров. Это – один из важных рычагов народного образования и управления. Этой высокой цели театра никогда не должно забывать, а представлять её на произвол содержателей, пекущихся только о своём барыше, – значит быть равнодушным к отечественной литературе и драматическому искусству. <...> Им нужны только *доходные* пьесы; достоинство их судят они только по сборам. <...>

При коронной администрации все эти неудобства исчезают, и всё возвращается к прекрасной и благородной цели существования театров. Тут не нужно подделываться под вкус большинства публики (которая всегда на низшей степени образованности); не нужно льстить толпе и привлекать её в театр возбуждением дурных страстей, или искажением изящного вкуса. <...> Тут начальство судит

авторов не по сборам пьес, а по нравственному, полезному и литературному их достоинству. <...> Вот почему я нахожу, что система нашего управления театров наилучшая. <...>

Кто из современников, – возвращается Зотов к личности главного директора Императорских театров Александру Львовичу Нарышкину, – не помнит этого истинно русского вельможи! Он во всём смысле слова и во всех отношениях был большой барин. Собрание анекдотов о нём составило бы несколько томов. Остроумие, любезность, щедрость, великодушие были главными чертами его характера. Все окружающие любили его и богатели около него. Блеск был лозунгом его жизни, а хозяйство – забота мелочных душ. Огромнейшее состояние его видимо расстроилось под конец, но это его вовсе не беспокоило; он сам над этим смеялся»⁶.

Вообще, архивные сведения дирекции с 1812 по 1816 г. весьма скудны. Известно, что в этот период временно оставял дирекцию член по репертуарной части князь Шаховской, поступивший в 1812 г. в Тверское ополчение.

«В начале 1812 г. стали появляться на западной нашей границе французские эмиссары (шпионы), в лице комедиантов, странствующих монахов, землемеров, по-польски коморников, которые снимали планы с разных мест наших владений»⁷.

8 апреля 1812 г. назначен был при главном директоре А.Л. Нарышкине, специально для управления хозяйственной частью, вице-директором, присутствующим в конторе Дирекции театральных зрелищ, камергер князь Петр Иванович Тюфякин⁸.

Учреждение Театрального комитета

27 апреля 1812 г. по высочайшему повелению императора Александра I на время его отсутствия в Петербурге был учреждён из трёх лиц – главного директора над театральными зрелищами обер-камергера А.Л. Нарышкина, тайного советника П.С. Молчанова и министра финансов графа Д.А. Гурьева – особый комитет, на который было возложено решение всех дел по петербургским и московским театрам, подлежащих высочайшему разрешению⁹. Невзирая на грозные тучи войны, собиравшиеся на западе и угрожавшие России, деятельность русского театра в Петербурге не прерывалась.

С учреждением этого комитета, наступил второй, после 1783 г., период коллегиального управления театральным делом, и значение

главного директора в этом деле уменьшилось¹⁰. Деятельность этого комитета ни в чём не проявилась. Управление театрами установилось в рамках, определенных Положением 1809 г., с той лишь разницей, что при главном директоре, как уже было сказано выше, состоял вице-директор князь Тюфякин.

Вскоре после вступления в должность князь Тюфякин начал проявлять не только инициативу, особенно в вопросах экономических, но и значительную долю самостоятельности по отношению к главному директору и даже по отношению к особому комитету¹¹.

Комитет этот продолжал действовать и по возвращении императора Александра I в столицу и существовал 14 лет¹².

Отечественная война 1812 года

Война с Наполеоном изменила положение театрального дела. Интерес к спектаклям в Москве понизился. С июня Императорский театр был почти пустой, дворянство перестало его посещать, зрителями являлись только купцы.

С.М. Любецкий уточняет: «Итак, в начале этой войны в столицах наших всё шло ещё по-прежнему. В гостиных слышался французский язык, а в театрах куплеты из французских водевилей, в Петербурге заметно было отсутствие гвардии, а в Москве ещё не оказывалось никаких признаков войны. Весна стояла тогда прекрасная. На Тверской появился бульвар, посаженный новыми берёзками, в Марьиной роще Ивлев поставил красивую палатку. В ней гикали и плясали цыгане, в Нескучном саду шли разные волшебные представления, в Государевом¹³ гремела роговая музыка, там играли любимые в то время увертюры из "Калифа Багдатского", "Редкой вещи" (Casa rara) и "Дианина древа". Тогда Москва напевала ещё известную песнь времён Екатерины "Гром победы раздавайся", с пушечными выстрелами»¹⁴.

В июле 1812 г. древнюю столицу посетил император Александр I. «Ещё с ранней зари, 11 июля, толпы народные двинулись к Дорогомилловской заставе, на Смоленскую дорогу; внутри Москвы священники, в полном облачении, с крестами в руках, стояли, каждый у своей приходской церкви, по той дороге, где надлежало проезжать государю. Успенский собор наполнен был духовными и гражданскими сановниками. Граф Ростопчин со своей свитой также отправился встречать государя. <...>»

Настала ночь, Москва опочила. Но крестьяне деревни Филей и села Покровского (в 3 верстах от заставы) не хотели успокоиться до

тех пор, пока не увидят государя; вместе с тем, желая встретить его, по коренному русскому обычаю, с хлебом и солью, они отправили в Перхушково конных гонцов, узнать, когда он отправится в путь. Гонцы, исполнив своё дело, быстро прискакали назад и уведомили поселян, что государь уже выехал. По обычной своей скромности, он хотел уклониться от торжественной встречи москвитян и въехал в Кремль, не быв никем видимым»¹⁵. Хозяином Филей в то время был Дмитрий Львович Нарышкин – брат Александра Львовича. Храм Покрова был построен в стиле, названном нарышкинским барокко.

«30 июля объявлено было от театра, в "Московских новостях", представление комедии "Модная лавка", И.А. Крылова, где живо изобразил он проделки французов обоего пола; но вместо этой пьесы сыграна была опера: "Старинные святки"¹⁶, в которой, как в панораме, представлено было старинное житьё-бытьё Москвы, русских бояр и святочные игрища затворниц боярышень. Обмен пьес произошёл, по случаю полученных известий об одержанных Витгенштейном победах над французами, при Кобрине¹⁷ и при Клястицах. Утром в этот день, в Успенском соборе, торжественно отслужен был благодарственный молебен, с коленопреклонением, а вечером воспето было в театре, в громком хоре певчих и оркестре музыки, с трубами и литаврами, величание царю Александру, потом известная, знаменитая в то время певица Сандунова, прибавила: "Слава храброму генералу Витгенштейну, поразившему силы вражеские! Слава храброму Кульневу, умершему за отечество!" При общем, оглушительном рукоплескании Сандунова должна была несколько раз повторить эти певучие изречения.

В Петербурге, в это грозное время, с большим удовольствием смотрели пьесы: "Пожарский"¹⁸ и "Димитрий Донской"; когда в последней пьесе вестник, вбегая на сцену, восклицал: "Россия спасена!" – театр стонал от избытка душевных потрясений. Тогда особенно сочувствовали пьесе Висковатого "Ополчение" и присоединенному к ней балету Кавоса под названием "Любовь к Отечеству"¹⁹. Для публики приготовлен был сюрприз. Славный трагический восьмидесятилетний артист, Иван Афанасьевич Дмитриевский²⁰, двадцать лет уже перед тем временем оставивший сцену, которой он был украшением, вдруг явился на ней перед публикой, в роли престарелого воина, возвещавшего славу Румянцева и Суворова и жертвовавшего отечеству тремя медалями, блиставшими на израненной груди инвалида; тут благословил он на брань и смерть внука своего (Самойло-

ва), возложив трепещущую руку на голову юноши; Дмитревский не по заданным словам, но по вдохновению души своей, произнёс живую русскую речь, завидя не летам юноши, но тому, что он может служить и умереть за отечество... Публика дошла до иступления, Дмитревский, откланиваясь ей, произнёс сквозь слёзы: "Другим ничем не мог я выразить своей любви к дорогой родине моей, как, собрав слабые силы свои, явиться пред вами..." Дмитревский рыдал, его без чувств привезли домой; (на другой день утром он получил драгоценный перстень от государя). В балете одно появление знамени, с надписью: "За отечество", также доводило зрителей до громкого, одушевлённого восторга: кто плакал, кто кричал: "Браво, ура!", кто рукоплескал, одни вскакивали с мест своих, другие бросали на сцену кошельки с деньгами, крича: "В пользу ополченцев, в пользу раненых!" Эти представления давали сряду несколько раз; многие после того спешили в комитет записываться в ополчение»²¹.

Уже 8 августа 1812 г. А.А. Майков ввиду приближения срока нового абонемент просил разрешения главного директора на рассрочку платы за абонемент, думая этим привлечь зрителей, с тем, чтобы «рассрочка таковая была обращена на тех, кои по достоинствам своим заслуживают полную доверенность». «Тем более побуждаюсь прибегнуть, – писал Майков, – к сему средству, что не имея в виду присылки артистов из С.-Петербурга, без чего, а равно и без предполагаемого мною снисхождения, абонемент совершенно может разрушиться»²². Успешно практиковавшаяся ранее система командировки в Москву для освежения репертуара петербургских артистов с весны 1812 г. уже не применялась. В середине марта 1812 г. уехали из Москвы присланные туда на месяц французские артисты и между ними любимица Москвы знаменитая Жорж Веймер, а прибывший одновременно с нею танцовщик Глушковский²³ остался в составе московской балетной труппы. Ходатайство Майкова о рассрочке абонементной платы было уважено А.Л. Нарышкиным под личную ответственность Майкова за исправное поступление платежей.

Политические события и общий подъем патриотизма отразились и на административной жизни Московского театра. В Москве был учреждён «Комитет для образования военной силы», которым приглашались «для пособия из разных мест чиновники». А.Л. Нарышкин разрешил освобождать от обязанностей тех служащих дирекции, которые пожелают принять «участие в ополчении», но с за-

мещением их вакансий, исключая тех, о которых последует особое приказание главного директора²⁴.

Встревоженный участью Москвы и положением театров, А.А. Майков 19 августа 1812 г. писал Нарышкину: «При настоящих обстоятельствах всё дворянство и лучшее купечество выезжает из Москвы в разные города, посему и некому в Московском театре абонироваться на следующий год абонемент, который начнется с 10-го сентября сего 1812 г. Равномерно при сём разъезде публики и самые представления, как думать должно, не могут доставлять театру никаких доходов. Наконец, распоряжение репертуара слишком затрудняет теперь то, что певчие, составляющие хор в театре и принадлежащие разным господам, отправляются по воле их из Москвы в другие места. Отчего все оперы, трагедии и другие пьесы, где они употреблялись, не могут идти. По всем сим причинам, ежели не переменятся настоящие обстоятельства, продолжение театральных представлений не обещает ничего, кроме одних убытков, особливо по окончании истекающего ныне абонемент. Между тем, казённые места, как то: ломбард, мастерская и оружейная палата, казначейство и проч. укладываются и отправляются из Москвы, а в Воспитательном доме действие сохранной и ссудной казны прекращено, как Ваше Высокопревосходительство изволите увидеть из "Московских Ведомостей", где о сём сделано публичное извещение. Вследствие сего долгом поставляю, представляя, просить Ваше Высокопревосходительство, не благоугодно ли будет предписать, чтобы в случае, ежели, сверх всех ожиданий, не воспримут обстоятельства лучшего оборота и ежели будет неизбежная необходимость, отправился я вместе с конторою, школою, театральным гардеробом, казною и другим имуществом, которое поважнее, равно с артистами, в С.-Петербург, или в другой город, какой угодно назначить Вашему Высокопревосходительству, употребляя нужные на путь деньги из сумм, в театре состоящих. На каковой конец позволить вступить в сношения с местным начальством и требовать его в сём случае пособий, какие оказываемы были и прочим казённым местам. Поелику же, до разрешения Вашего Высокопревосходительства, пройдет некоторое время, то дабы не упустить оного понапрасну, я, по отправлении сего, не оставлю войти предварительно в означенные сношения с местным начальством, дабы по получении разрешения Вашего Высокопревосходительства, в случае нужды, мог я приступить тотчас к отправлению»²⁵.

Однако обещанных предварительных сношений А.А. Майков, по-видимому, не сделал и к укладке вещей не приступал, так как по настоянию главнокомандующего графа Ростопчина спектакли продолжались до самого почти вступления неприятеля в Москву²⁶.

Последнее объявление о спектакле в Арбатском театре появилось в «Московских ведомостях» 28 августа 1812 г. (№ 69); в пятницу 30 августа назначена была к исполнению драма в четырёх действиях Глинки «Наталья, боярская дочь», а после неё маскарад. Это был последний спектакль в Арбатском театре, который сделался одной из первых жертв пожара Москвы, по занятии её французами. 31 августа вышел последний (№ 70) выпуск «Московских ведомостей», и в этот же день был получен ответ Нарышкина на представление Майкова от 19 августа.

Нарышкин писал так: «В разрешение представления Вашего от 19-го августа за № 911 я поспешаю Вас уведомить, что имел счастье доложить о сем Государю Императору и в исполнение Высочайшей воли, ныне же и с сей эстафетой, отнёсся я к г-ну Главнокомандующему графу Ростопчину, прося его, чтобы в случае неизбежной нужды назначил он Вам место к выезду и оказал зависящее от него пособие. Почему и имеете Вы, в потребном случае, сделать прямо к нему, для выезда Вашего с казённым имуществом, донесение и принять по распоряжению его приказание; замечаю только Вам сие, что некоторых из артистов не нужно отправлять, и они могут с частью прочих жителей остаться в Москве»²⁷.

Однако эстафета Нарышкина запоздала, отступление войск уже началось²⁸.

«Военные донесения из русской армии успокаивали Москву. До Бородинской битвы в ней продолжало всё ещё идти по-прежнему... в барских домах усердно танцевали экосезы, матрадуры и полонезы²⁹; в ней преобладал ещё тон старой Франции, тон эмигрантов, псевдо-(ложных) графов и маркизов, выброшенных волнами революции к нам в Россию; известно, что из пленных, беглых и отсталых иностранцев, барабанщиков и маркитантов, в 1812 г. многие поселились в России, разбогатели и некоторые из них вышли в большие чины. В то время в Москве русская речь подкрашивалась ещё французскими фразами.

В Английском и Танцевальном клубах восклицали: Вист! Бостон! Лябет!³⁰ Гулянья были наполнены народом, многие дворяне, по случаю приезда государя в Москву, прохаживались там в мундирах, а

щёголи рисовались в серых шляпах à la Sandrillon³¹, в пышных жабо с батистовыми брыжами³², с хлыстиками или витыми, из китового уса тросточками, украшенными масонскими молоточками; франты щеголяли во фраках василькового, кофейного или бутылочного цвета, в узких панталонах горохового цвета, а сверх них в сапогах с кисточками. Дамы являлись туда в платьях с высокой талией, с короткими рукавами и в длинных, по локоть, перчатках, в причёсках à la Titus, в погрузительных шляпках и в башмаках à la Dupore³³ (известный парижский танцовщик, который незадолго до этого времени был в Москве и вскружил головы дамам всех наций). Модные романы того времени: "Страстный Вертер", Geune Troubadur, "Матильда и Малек-Адель" (из Крестовых походов), "Бедная Лиза" Карамзина, "Фоблаз и Жилблаз", "Парижская дура", "1001 дурачество", мистерии Редклиф³⁴, чувствительные конфетные билетцы³⁵, песни Нелединского-Мелецкого³⁶, арии из "Русалки"³⁷, разные амурёзные картинки, изображённые на махальцах³⁸ или на веерах и т.п., довершали кружение дамских головок. Набожные читали "Путь ко спасению", "Угроз Световостоков"³⁹ и т.п. Из гостиных выбыли только лощёные, завитые и раздушенные чиновники французского посольства, также исчезли галантерейные лавочники из французских магазинов⁴⁰. Некоторые из дам, по общепринятому тогда обыкновению, и многие по внушению доброго сердца щипали корпию, кроили и шили перевязки для раненых, в редкой комнате, даже на парадных, модная мебель желтой карельской берёзы не была завалена бинтами и засорена обрезками холста и полотна. Даже маленькие дети занимались этим. А в девичьих и поготово⁴¹ кипела эта работа.

Неприятель был ещё далеко, немногим приходило в голову, чтоб он дерзнул посягнуть на Москву.

Тверской бульвар, усаженный берёзками (ещё при обер-полицмейстере Каверине; других бульваров тогда не было), Нескучный и Дворцовый сады посещались прилежно; московским жителям была большая потребность в свидании друг с другом: там собирались кучки народа и менялись политическими новостями. Некоторые ударились в богомолье, езжали в дальние монастыри, на что очень косо поглядывали простолюдины. "Ишь, ударил гром, и начали креститься", – говорили они. На народных гуляньях, у Новоспасского и Андроньева монастырей, устроены были красивые военные палатки, вокруг которых гремела музыка, а внутри их блестело разное

оружие и военные доспехи, уставленные пирамидами; там возвышались вазы с фруктами и находился буфет с винами. Здесь вербовались охотники в военную службу; новобранцев из простолюдинов принимали унтер-офицерами и обмундировывали на казённый счёт. Посредине палатки стоял стол, покрытый красным сукном, обшитом золотым галуном с кистями, а на столе лежала книга в пунцовом бархатном переплёте, с гербом русской империи. Охотники вписывали в эту книгу свои имена. Механик и гимнастик Винстер, прибывший из Або с акустической машиной, выставил её на Тверской, в гостинице "Париж"; появилась ещё новая труппа вольтижёров, в театре играли более русские пьесы: "Наталья боярская дочь" С. Глинки, "Добрые солдаты", "Илья Богатырь" (опера Кавоса), "Иван Сусанин" (Шаховского). Сверх того, композитор Дехтерев написал тогда первую русскую ораторию "Минин и Пожарский"⁴², в которой звуками рассказывалось то, что чувствовало русское сердце; музыка и театр, гимны, кантаты, куплеты, петье в честь русских, служили патриотическим целям, увлекали всех силой проникавшего в души русских настроения»⁴³.

В августе 1812 г. к Москве подходили уже французы, а вскоре сгорел и Арбатский театр.

«День 30 августа известен Москве и всей России. Это день теозоименитства государя; в Благородном собрании давался ещё бал-маскарад, но публики было немного, особенно из высшего класса. Музыка гремела, залы сверкали огнями, но танцы шли вяло, не то было на уме у всех, и потому все скоро разъехались. В этот же день на Арбатском театре давали драму: "Наталья боярская дочь", в которой важную роль играл пожар»⁴⁴.

«Между тем в это время решалась судьба Москвы. На крутой горе близ Можайской дороги, в деревне Филях, стоял одинокий домик (недавно сгорелый), с красными окошками, обнесённый валом и неглубоким рвом. Он находился в одной версте от села Покровского (теперь Фили переведены ближе к усадьбе Кунцеву Нарышкиных). Там в этом домике происходил роковой военный совет, на котором присутствовали: фельдмаршал Кутузов, генералы: Барклай, Дохтуров, Уваров, Остерман, Раевский, Ермолов, Коновницын и другие. Там, после долговременных прений, решено было отдать Москву французам без боя, особенно когда Кутузов сказал, что потеря Москвы не есть ещё потеря России»⁴⁵.

Французы в Москве

2 сентября французы заняли столицу, так что и Дирекция театральных зрелищ, и артисты императорских театров, застигнутые врасплох, принуждены были спешно покинуть Москву. Обстановка бегства дирекции из Москвы довольно хорошо рисуется рапортом А.А. Майкова главному директору, написанным им 7 сентября, уже в дороге из г. Владимира.

«В ночь на 31-е число минувшего августа, – доносил Майков, – получа с эстафетой предписание Вашего Высокопревосходительства о следовании казне, школе, артистам и прочему имуществу Императорского Московского театра, обще со мною, по назначению Главнокомандующего графа Ростопчина, в то место, которое он найдет безопасным, я утром рано бросился к нему, прося о снабжении для подъема 150-ти подвод; в даче их было мне отказано, с извещением о том только, что никуда нельзя лучше поместиться мне со всем театром, как в губернский город Владимир. Возвратясь от него в контору и предприняв все нужные распоряжения, какие успеть мог во время приближения неприятеля к стенам столицы, прискакал опять к нему без памяти и со всем уже усилием требовал спасти казённый интерес, школу и тех людей, которые для Дирекции необходимы. Но и тут едва-едва успел получить 19 подвод. Находясь в такой крайности и ужаснейшей тревоге, при последних, так сказать, средствах, и не иначе, как Бог сам пособил схватить мне денежную сумму, книгу общего прихода и расхода, некоторую часть конторских бумаг, богатые вещи гардероба и без изъятия всю школу. Что всё 1-го сентября в 3 часа утра и отправлено мною с чиновниками, как то: помощником по хозяйственной части, казначеем, секретарем и смотрителем гардероба, и поелику и всего этого нельзя было увезти на отпущенных мне крестьянских телегах, нанял я к оным в добавок 11 подвод, с прибавлением собственных моих лошадей. Но вслед за сим отправились сами по себе несколько человек актёров и актрис, коим (равно музыкантам и разного звания служащим при театре людям) принуждён я был дать билеты, дабы изыскивали свои способы спастись; и из числа их, одни догнали обоз на дороге, другие следуют пешком, как знаю, в небольшой за ним отдаленности, и, наконец, думаю, что по времени достигнут до меня все. Как же предположено было, что армия наша, будет всеми силами защищать Москву, то, с прочими оставшимися делами и вещами запечатав комнаты, препоручил я чрез данный ордер беречь

театр унтер-офицеру Мельникову, с находящеюся при нём инвалидною командою, до той минуты, покуда будет возможно. Вчера вечером с грузовым караваном моим прибыл я во Владимир. Здесь также беспокойство жителей и много выезжающих в разные стороны, а более в город Нижний (где, как есть известие, возросла неимоверно дороговизна, и что не токмо нет квартир и нет места в окружных селениях, великое число приехавших остановились и живут в поле). Я не решился туда следовать и предприемлю отправление мое завтра в город Кострому; при малейшей же опасности потянусь в Вологду, где, по всем соображениям и советам, пребывание будет совершенно обеспечено. Но к чему распоряжусь я приступить в последствии времени, для соблюдения выгод Дирекции, не премину сделать Вашему Высокопревосходительству подробное представление. Между тем, относительно до отпуска денег из Статного Казначейства, если ещё не учинено Вами сношения с господином Министром Финансов, а Статному Казначейству от него об оном не предписано, то не благоугодно ли будет Вам убедить его дать предписание о выдаче следующей театру на сентябрьскую треть суммы Костромской казённой палате. Ибо находящимся ныне у меня на лицо количеством, оставшимся от суммы прошлого года, ежели пребуду в моих странствиях, далее довольствоваться будет мне нельзя, поелику в недавне отпущено из него по предписанию Вашего Высокопревосходительства в С.-Петербургскую Дирекцию десять тысяч рублей, не говоря о тех деньгах, кои отделены по отчётам, в награждение тамошней и здешней конторам, а при том, как известно Вам, за неполучением из казначейства денег, заимствовался я из того же остатка на удовлетворение жалованьем и на путевые, теперь значительные издержки»⁴⁶.

Как видно из дальнейшей переписки Майкова, он добрался до Костромы, где пришлось ему оставаться ещё долгое время. Нарышкин, получив письмо Майкова и, несомненно, почувствовав упрек Майкова в необходимости использования для Петербургской дирекции средств Московской, тотчас же снёсся с министром финансов, который 27 сентября 1812 г.⁴⁷ известил Нарышкина о данном им предписании Костромской казённой палате отпустить Московской театральной конторе за сентябрьскую треть 58 666 руб. 67 коп. Но Майков ещё и в ноябре месяце не получил их. Нарышкина более всего беспокоил вопрос о сборе разбежавшихся из Москвы артистов, доставивший впоследствии немало хлопот администрации.

«Донесение Ваше от 8-го числа сего сентября, – писал 27 сентября Нарышкин Майкову, – я получил и, хотя с крайним прискорбием, вижу из оного расстроенность положения Вашего, но не могу остаться без совершенной признательности за расторопность и благоразумные меры, избранные Вами в таковом несчастном случае. Я остаюсь в полном уверении, что Вы, следуя всегда оным, употребите все средства собрать рассеянных подчиненных Ваших и Вашими действиями оправдаете то доброе мнение, которое я всегда об Вас сохранил»⁴⁸.

В заботах о своих собственных делах и о невзгодах московских театров дирекция не оставалась безучастной и к положению вообще московских жителей, потерпевших от французского нашествия и пожара Москвы. Как увидим далее, московская французская труппа была упразднена, но годовое ассигнование на неё (36 тыс. руб.) было оставлено с обращением из него 30 тыс. руб. в фонд вспоможения потерпевшим от неприятеля⁴⁹.

Впоследствии, в 1815 г., А.А. Майков ходатайствовал о назначении из этого фонда пособия артистам и другим служащим Московского театра, потерпевшим разорение во время бегства из Москвы. В представлении 19 апреля 1815 г. о пособии этому персоналу Майков так описывал испытанные артистами невзгоды: «Они до самого почти входа неприятеля в Москву были удержаны службою в оной для театральных представлений, которые продолжать настоял бывший тогда Главнокомандующий г. Москвы граф Ростопчин. Уволены же от должностей и получили разрешение на выезд из Москвы, почти накануне сдачи оной неприятелю, следовательно, в такое время, в которое нельзя было приобрести ни наймом, ни покупкою лошадей для выезда, а при том и Дирекция не могла снабдить их подводами, получивши оных всего восемь... для вывозу всего казённого имущества и школы. А потому они были в необходимости, бросивши всё своё имущество, спасти уже одну только жизнь... На сей конец, – пишет далее А.А. Майков, говоря о материальной помощи потерпевшим, – если сумма 30 000 р., ежегодно от Московского театра отделиваемая на французскую труппу, обращается в пользу разорённых неприятелем, то, может быть, контора Дирекции испросит пособия из этой суммы, которая уже в 1815 году достигла 100 000 рублей»⁵⁰.

Хотя в делах дирекции нет прямых указаний на выдачу пособий потерпевшим от разорения артистам, но надо думать, что ходатайство Майкова было уважено, ибо нет сведений ни об отказе по ходатайству,

ни о перечислении упоминаемого Майковым 100-тысячного фонда в другие ведомства для пособия посторонним дирекции лицам.

«Думая зимовать в Москве, [Наполеон] хотел устроить в ней театр, этим желал он доставить большое, любимое удовольствие своим войскам и вместе с тем заглушить, прекратить ропот их на тяжёлое пребывание в Москве. "Кормите глаза народа", – писал он и в Париж. Сделаны были уже и распоряжения о высылке из Франции лучших артистов и приглашение итальянским певцам прибыть на зиму в Москву. Наполеон хотел рассеять и собственную свою скуку в Москве, он хотел быть новым Саулом⁵¹, ищущим отрады в звуках музыки; уж пушечные залпы надоели ему.

Впрочем, Наполеона постоянно, в походах его, сопровождали некоторые артисты: тенор Бринци, г-н Пер и другие; по вечерам пели они ему избранные им арии из итальянских опер. Он подражал Фридриху Великому, который любил музыку вообще, но особенно в часы скорби своей от неудавшихся сражений. Надобно заметить, что в начале войны французский театр существовал уже в Москве; дорожа дружбой Александра, Наполеон, после Тильзитского мира, уступил ему на время лучших парижских артистов: драматическую актрису Жорж⁵² и первого танцовщика Дюпора; дирекция московского театра, находившегося на Арбате⁵³, осенью в 1811 г. пригласила их из Петербурга в Москву, вместе с некоторыми другими персонажами⁵⁴; незадолго до войны они возвратились в своё отечество, а кое-кто из сопровождавших их артистов и артисток остались в гостеприимной Москве до самой эпохи 1812 г.»⁵⁵

После вступления в Москву неприятеля в ней остались лишь некоторые артисты французской труппы, которым пришлось развлекать наполеоновскую армию. Остатки труппы (актеры Адне, Перу, Госсе, Лефебр и актрисы Андре, Фюзи, Ламираль, Лекень, Адне, Перигюи), с актрисой г-жей Бюрсей во главе, бедствовали где-то в Басманной, где их разыскал префект наполеоновского Двора генерал Боссе⁵⁶. Внешность артистов, по словам актрисы Фюзи, была весьма оригинальна: «Первый трагик явился во фризовой шинели и в шапке ополченца, первый любовник – в семинарском сюртуке и треугольной шляпе, благородный отец – без сапог и с дырявыми локтями, злодей – без панталон в коротеньком испанском плаще, ни у кого не было ни белья, ни башмаков»⁵⁷.

Боссе доложил Наполеону о печальной участи артистов. Наполеон приказал выдать им пособие и устроить для развлечения войск

временный театр, а генерала Боссе назначил директором императорских театров в Москве⁵⁸.

Кстати, заметим, что с пребыванием Наполеона в Москве связано издание закона по театру «Французской комедии» в Париже, которое утверждено Наполеоном 15 октября 1812 г. под названием *Décret de Moscou*.

Этот закон, изложенный в восьми отделах и дополненный в 1847 и 1850 гг., остаётся действующим для французского театра и до настоящего времени.

«Между тем французы, в ожидании парижских и итальянских артистов, составили в Москве общество любителей театра из своей среды, под покровительством Мюрата; но главным деятелем и директором импровизированного театра был префект Наполеонова двора, Боссе, тот самый, который накануне Бородинского сражения привёз ему портрет его малолетнего сына. Отыскивая в Москве помещение для театра, Боссе узнал, что на Никитской, в доме Познякова⁵⁹ находится готовая сцена и партер; он поспешил туда и нашёл там ещё кулисы и прочие принадлежности театра.

Но вся эта обстановка представляла самый печальный вид, в театре побывали уже действующие лица: французы-грабители, там бархат с лож был содран, люстры, канделябры и мебель изломаны. Всё это поспешили поправить, подновить, подкрасить и по возможности привести в лучший порядок. К Боссе явились, под предводительством г-жи Бюрсей, оставшиеся в Москве бродячие артисты французской труппы в рубище, а артистки в разных лохмотных театральных костюмах, с предложением своих услуг. Наполеон, узнав об этом, обрадовался и приказал их прилично экипировать; Боссе с мадам Бюрсей, не теряя времени, составили репертуар представлений, награбленная в Москве парча пошла на занавес, ложи удрапировали бархатом, с потолка спустили похищенное серебряное церковное паникадило со свечами. В этом театре явилась и дорогая, комфортабельная мебель, и бронза, и позлащённые жирандоли, и цветные ковры. Костюмы для действующих лиц поделали из расхищенного же венецианского бархата, церковных риз, атласа и алансонских кружев. Уборные также приведены были в приличный порядок. Наполеон назвал этот театр своим придворным.

И вот, когда всё было готово, на Тверской, на других больших улицах и в Леонтьевском переулке, на столбах, прибиты были из-

вестительные объявления об открытии театра; у входа в него наклеены были афиши на разноцветной бумаге. Наконец, среди погрома и пожарищ, среди пепелищ и развалин Москвы, вместе со звуками воплей и рыданий московских жителей, загремели увертюры знаменитых композиторов, раздались звучные стихи Корнеля и Расина и весёлые, игривые куплеты парижских водевилей»⁶⁰.

В среду 7 октября (27 сентября) состоялся первый спектакль импровизированной труппы, в котором было исполнено, как значилось в афише, «*Jeu de l'amour et du hazard*», comédie en 3 actes et en prose de Mariveau, suivi de *L'amant auteur et valet*, comédie en 1 acte et en prose de Ceron»⁶¹.

«Партер там занят был заслуженными солдатами, в первых рядах его находились драбанты⁶² Старой гвардии, в полной форме, с крестами Почётного легиона на груди. Ложи, под богатой драпировкой, были наполнены высшими чиновниками штаба Наполеона и офицерами всех наций, по общему требованию там пелись патриотические песни; в почётных ложах сидели и усердно аплодировали дамы, состоящие из разных иностранных гувернанток, авантюристок и героинь Кузнецкого Моста. Оркестр там составлен был из лучших гвардейских музыкантов, более трубачей»⁶³.

За вход публика платила безделицу. Сбор употреблялся на покрытие вечеровых издержек и на отопление и освещение театра; остальное делили между собою артисты.

«Между остовов погорелых домов, среди ночного затишья и глубокой темноты в Москве, театр, ярко освещенный, представлялся, как оазис в пустыне, между опустелыми улицами столицы одна Никитская являла собой одушевлённый вид, она была загромождена экипажами, которые мчались по ней к театральному подъезду и, по окончании представлений, сверкая каретными фонарями, разъезжались обратно, по разным направлениям. Театр окружала цепь солдат, состоявшая, попеременно, из разных полков, они охраняли театр от напора не приглашённых и от тайного будто бы покушения русских зажечь театр; для этого около него расставлены были ещё чаны с водой.

Представлений в нём было не более десяти; аматерами театра готовились другие представления, в которых они должны были сами быть и действующими лицами, и зрителями. Наполеон не был в театре, он только с Боссе занимался репертуаром его, сам назначал пьесы ("Фигаро", "Три Султанши", "Рассеянный", "Проказы в тюрь-

ме", "Сид" и "Заира" и проч.)⁶⁴ и слушал отчёты о представлениях. Мадам Бюрсей, к дополнению собственной его капеллы, находившейся в Кремле, рекомендовала ему проживавшего в Москве учителя пения итальянца Таркинио и пианистку Мартини. Для завершения удовольствия европейской публики в этом театре устроено было представление, вроде дивертисмана, из русских плясок; в них особенно отличались девицы Ламираль, в полном роскошном русском платье (отец их и до, и после неприятельского нашествия был вместе с Иогелем,⁶⁵ танцевальным учителем в лучших домах Москвы). Эта невиданная французами пляска очень понравилась им, тем более что они не ожидали найти в ней столько неги, чувств и грации. Однажды французы, выходя из театра, с изумлением остановились против одного полуразрушенного дома, откуда раздавались унылые, но стройные звуки закатной русской песни; они были очарованы этими звуками. "Charmant, Charmant! (да это прекрасно, браво!)" – воскликнули они. Русскую песнь: "Не одна-то во поле дорожка пролегала" пел известный композитор русских песен, ученик славного Сарти (бывшего капельмейстера князя Таврического) Кашин⁶⁶.

Случай и чрезвычайные обстоятельства, в которых находился наполеоновский театр в Москве, сделали его замечательным в двух отношениях: во-первых, «гардероб Наполеоновского театра мог щегольнуть, – как отмечал Ф.А. Кони, – богатством и роскошью, доселе ещё не виданными ни на одном театре. Здесь не было ничего поддельного и подрумяненного. Чистое золото и серебро, дорогая парча, венецианский бархат, алансонские кружева и турецкие шали пошли на домашний обиход сцены». Всё это были вещи, награбленные в московских дворцах; во-вторых, «вероятно, от начала всех театров в мире не существовало общества актёров столь согласного и сговорчивого. Вся закулисная политика померкла от важного политического переворота, в котором они были произвольными действующими. При раздаче ролей не было ни споров, ни зависти, ни соперничества»⁶⁷.

«Между тем в Петербурге давали часто, по желанию публики, трагедию Хераскова "Освобождение Москвы" (от поляков в XVII ст.)»⁶⁸.

15 октября 1812 г. фрейлина Мария Аполлоновна Волкова⁶⁹ написала своей подруге Варваре Ивановне Ланской письмо, в котором сообщила: «Нам говорят, что между тем, как вся Россия в трауре и слезах, у вас дают представления в театре и что в Петербурге в

русский театр ездят более, чем когда-либо. Нечего вам делать! Не знаю, как русский, где бы он ни был теперь, хоть в Перу, может погостить театром!»⁷⁰.

27 ноября М.А. Волкова добавляет: «Я не могу удержать своего негодования касательно спектаклей и лиц, их посещающих. Что же такое Петербург? Русский ли это город, или иноземный? Как это понимать, ежели вы русские? Как можете вы посещать театр, когда Россия в трауре, горе, развалинах и находилась на шаг от гибели? На французов, из которых каждый радуется нашим несчастиям!

Я знаю, что в Москве до 31 августа открыты были театры, но с первых чисел июня, то есть со времени объявления войны, у подъездов их виднелись две кареты, не более. Дирекция была в отчаянии, она разорялась и ничего не выручала. <...> В Москве с августа месяца французы не осмеливались показываться на улицах: их побивали камнями. Мыслимо ли было, чтобы пошли на них смотреть в театре?»⁷¹.

Французская труппа Наполеона успела дать только одиннадцать спектаклей, и закончила своё существование трагически. После поражения короля Неаполитанского под Тарутином французские войска спешно выступили из Москвы, а актёры были оставлены на произвол судьбы. Из Москвы выехали: первый любовник – верхом, трагики и комики – в лазаретном фургоне, а директриса, с первой любовницей, г-жей Адне, – на тройке в ландо. Так добрались до Смоленска, после чего начались невзгоды. Мороз, голод, русский штык и казацкая пика преследовали отступавших французов на каждом шагу. Не убереглись и актёры: первый любовник умер с голоду, первой любовнице раздробило ногу, и она вскоре умерла, добравшись до Страсбурга. Сам директор, генерал Боссе, принуждён был путешествовать верхом на пушке, и с отороженными ногами еле добрался до Франции. Жалкие остатки брошенного Наполеоновского театра в Москве в доме Позднякова застал ещё князь Шаховской, член репертуарной части петербургских театров, один из первых ополченцев попавший в Москву по отступлении французов. На сцене театра Позднякова валялись дохлые лошади, мебель, обрезки парчи и музыкальные инструменты.

Так печально закончился этот трёхнедельный эпизод из театральной жизни Москвы. Выехавшим оттуда французским артистам не пришлось воспользоваться предназначенной для них милостью императора Александра I⁷².

18 ноября 1812 г. последовало изрядно запоздавшее для Москвы высочайшее повеление: «По настоящим обстоятельствам находя французскую труппу ненужною, повелеваю всех актёров и актрис, как по здешним, так и по Московским Театрам, оную составляющих, из службы Моей отпустить, удовлетворя их по настоящее число жалованьем»⁷³. При этом французским артистам, выслужившим пенсии, таковые были назначены из Кабинета его величества⁷⁴.

Впоследствии выяснилось, что дирекция не выдала содержание за майскую треть 1812 г. французским актрисам Орор, Бюрсе, Андре и Берте и актеру Филлису более 3 тыс. руб. Из-за невозможности разыскать этих артистов, не выданные им деньги были обращены в средства Московской конторы театров⁷⁵.

После изгнания Наполеона

Оправлялась Москва от погрома довольно медленно. Французы очистили Москву 17 октября. «Позади армии тянулся длинный хвост нестроевых, принадлежавших к армии чиновников, маркизантов, придворного штата Наполеона и других служителей, также иностранцев, живших в Москве, и присоединившихся к неприятелям актёров и проч.»⁷⁶.

Положение императорских московских театров после погрома 1812 г. было весьма затруднительно; Арбатский театр сгорел, а с ним большая часть инвентаря, в труппах же был большой некомплект. Самый вопрос о дальнейшем существовании Императорского Московского театра, по-видимому, висел на волоске – в распоряжении дирекции не было ни театрального здания, ни имущества, ни достаточного числа артистов. Только особая энергия и находчивость А.А. Майкова вывели Московский театр из кризиса.

Еще в октябре 1812 г. Майков выслал Нарышкину из Костромы список тех артистов и служащих, которые считались «находящимися в отсутствии», т.е. не явились в контору или не дали о себе никаких известий после 2 сентября 1812 г. Таких лиц насчитывалось всего 56 человек. Судя по представлению от 12 октября 1812 г., Майков, очевидно, не имевший ещё точных сведений из Москвы о судьбе Арбатского театра и театрального имущества, тем не менее, не рассчитывал уже на скорое возвращение в Москву и на возобновление там деятельности. Есть основание предполагать, что Майков предложил Нарышкину разделить всех неявившихся на две категории и со-

ответственно назначить два крайних срока явки: менее полезным – трёхмесячный, а тем, в ком дирекция нуждалась, – шестимесячный.

Нарышкин ответил Майкову 1 ноября 1812 г. таким предписанием: «Назначаемые Вами шести- и трёхмесячные сроки для явки артистов и прочих театральных служителей нахожу я много отдалёнными, ибо в сие время могли бы явиться они из самых отдалённых краев России. Но предполагая, что люди сии находятся в Москве или в окрестностях оной, гораздо скорее могут прибыть к начальству или дать знать оному о месте пребывания своего, чтобы при востребованнейшей в них надобности можно было тотчас их выписать, и между тем заключая, что, со времени отправления Вашего донесения, многие из таковых уже явились, по сим причинам сроков сих я не утверждаю, – а дабы выиграть время и тем сохранить прибыли казны, уволив ненужных, по настоящему положению людей, рекомендую Вам откомандировать тотчас надёжного чиновника (исключая надворного советника Семёнова, который должен ожидать приезда моего в Кострому) и с ним одного из канцелярских служителей в Москву, при отношениях Ваших к тамошнему обер-полицеймейстеру и прочим в близких к оной городах начальствующим, дабы тем удобнее и скорее могли отысканы быть в оной и в окрестностях её оставшиеся, начальства Вашего разные служители. Чиновник сей должен сделать подробнейшее и беспристрастное объяснение о всех им отысканных, в каком состоянии будут они им встречены и какая причина останавливала их прибыть к начальству в то время, когда дороги от Москвы вовсе ныне безопасны. По исполнении чего сделайте мне обстоятельное обо всех таковых донесение и ожидайте моего предписания»⁷⁷.

Суровость этого решения Нарышкина мало вяжется с общим представлением о его добродушии, тем более что причиной отсутствия многих актёров послужило собственное распоряжение Нарышкина о дозволении некоторым артистам оставаться в Москве после выезда театральной конторы. В приведённом предписании чувствуется влияние расчётливого и неразборчивого в мерах экономии вице-директора князя Тюфякина.

Далее в том же предписании Нарышкин предлагает: «При доставлении ко мне описей оставшегося гардероба и прочих казённых вещей доставьте равномерно ведомость оставшемуся и чаятельно истребленному уже театральному имуществу. Список находящимся в

отлучках артистам и прочим служителям, со сделанными по приказанию моему отметками, при сём Вам посылаю, по коему и сделайте немедленное исполнение»⁷⁸.

Судя по этим «отметкам», очистка персонала московских театров от бесполезных людей произведена была широкой рукой: из 56 человек отсутствующих намечены к увольнению 44 человека! При этом Нарышкин не особенно стеснялся в мотивировке своих резолюций на списке, так, например, желая удержать на службе отсутствующих актеров Злова, Колпакова, Мочалова⁷⁹, Зубова, Воеводина и Толченова, он написал: «При встретившейся надобности тотчас приказать им явиться. Люди сии, быв в казённой службе, отказываться без времени не могут», а против фамилий других артистов отметил: «Так как они не явились и даже о себе не дали знать, то и отказать»⁸⁰. Относительно прочего персонала он ограничился пометами: «Отказать», «Уволить», «Исключить».

«5 декабря, в 2 часа пополудни, вступила в Вильно и гвардия наша, под предводительством цесаревича Константина Павловича; она вошла в город с музыкой и проходила церемониальным маршем мимо фельдмаршала. Отовсюду раздавалось громкое "ура!" Стечение народа затопило все улицы, через которые проходили войска; вечером в тамошнем театре дан был спектакль, в котором представлена была опера "Добрый пан". В заключение спектакля, в присутствии главнокомандующего, жители города торжественно изъявляли благодарность свою к полководцу, избавившему их от врагов; в театре выставлена была прозрачная картина, с изображением фельдмаршала и с надписью: "Избавителю отечества"; над этим изображением виден был парящий орёл, державший вензелевое имя Александра. При этой сцене петы были приветственные стихи победоносному русскому воинству»⁸¹.

«Наступил день рождения Александра (12 декабря), поутру он был в вахт-параде, возвратясь же во дворец, принимал поздравления от военных и гражданских чинов; во время шествия его в церковь, к литургии, перед дворцом стояло виленское общество с городскими значками, при наклонении которых, во время появления государя, граждане оглушительно кричали "ура!". Обеденный стол имел государь у фельдмаршала (которому в этот день пожалован был орден Св. Георгия 1-го класса, Большого креста); в продолжение стола стреляли из отнятых у неприятелей пушек, их же порохом. Вечером общее торжество ознаменовано было поставленным у ратуши блистательно расщещённым

транспарантом, с изображением Минервы, стоящей на семиглавом змие и изгоняющей врагов России. В театре была другая прозрачная картина, представлявшая государя, окружённого народом его, с изъяснением восторга за избавление отечества от врагов»⁸².

«В Лондоне, – писал П.П. Свинын, – победы над французами доставили тамошнему Дрюриленскому театру много удачных представлений; Бонапарте в них являлся обыкновенно карликом, в арлекинском костюме, в ботфортах, с длинной косой и в высокой треугольной шляпе. Во всей Англии, в лубочных театрах, на ярмарках, для забавы черни выводили Наполеона на сцену по несколько раз и заставляли его карикатурно плясать. Иногда, забывая, что на сцене дурачится один из их единоземцев, а – не сам Бонапарт, зрители бросали в него гнилыми яблоками. "Мы так много пьём за здоровье русских, – говорили англичане, – что у нас скоро вздорюжает вино!"»⁸³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бочарникова Э.В. Большой театр: Крат. ист. очерк. М.: Моск. рабочий, 1987. С. 15

² Там же. С. 14.

³ Гордин М.А. Владислав Озеров. Л.: Искусство, 1991. С. 194.

⁴ Лорер Н.И. Записки декабриста: 2-е изд. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. С. 38–39.

⁵ Погожев В.П. Исторические очерки. СПб., 1900. С. 259.

⁶ Театральные воспоминания: автобиограф. записки Р. Зотова. СПб., 1859. С. 26–30, 36–37, 39.

⁷ Любецкий С.М. Москва в 1812 году. М., 2013. С. 22.

⁸ П.И. Тютякин (1769–1845), последний в роде князей Тютякиных, отрасли князей Оболенских. См.: Погожев В.П. Исторические очерки. С. 259; Он же. Столетие организации императорских московских театров: Опыт ист. обзора. Вып. 1, Кн. 1: Обзор с 1806 по 1826 г. СПб.: Изд. дирекции Императ. театров, 1906. С. 168.

⁹ Погожев В.П. Исторические очерки. С. 293.

¹⁰ Он же. Столетие организации... С. 169.

¹¹ Он же. Исторические очерки. С. 294.

¹² Там же. С. 13.

¹³ Позднее Кадетский сад в Лефортовской части. См.: Любецкий С.М. Указ. соч. С. 66.

¹⁴ «Багдатский калиф», комическая опера в 1 действии Ф. Буальдьё, текст Сен-Жюста (1800); «Дианино дерево», опера Мартин-и-Солера, перевод И. Дмитриевского (1787); «Редкая вещь», комическая опера Мартин-и-Солера, либретто да Понте, перевод И. Дмитриевского (1786). См.: Там же. С. 66, 276.

¹⁵ Там же. С. 70–71.

¹⁶ «Старинные святки», опера, музыка Блимá, текст А. Малиновского (1798). См.: Там же. С. 283.

¹⁷ Победа при Кобрине 15 июля – первая крупная победа русского оружия в 1812 г.

¹⁸ «Пожарский, или Освобождённая Москва», трагедия М. Крюковского (1807). См.: *Любецкий С.М.* Указ. соч. С. 284.

¹⁹ Речь идёт о драме С.И. Висковатова «Всеобщее ополчение» (1812) и балете К.А. Кавоса «Любовь к Отечеству» (1812). См.: Там же.

²⁰ «Настоящая фамилия его была Нарыков; когда артистов Волкова (при императрице Елизавете) привезли из Ярославля в Петербург, он играл женскую роль Оснельды в пьесе "Хорёк" Сумарокова, императрица сама румянила его и прилаживала на голову его бриллиантовый убор. "Ты похож на польского графа Дмитревского, – сказала она ему, – так и называйся"». См.: Там же. С. 97.

²¹ Там же. С. 97–98.

²² Общий архив Министерства Императорского двора. Дирекция театров. Д. 1812 г. № 235. Майков Аполлон Александрович – русский поэт, в 1810 г. назначен управляющим московскими театрами, камергер, действительный тайный советник.

²³ Глушковский Адам Павлович (1793 – около 1870), русский артист балета, балетмейстер, педагог. В 1809 г. окончил Петербургскую балетную школу. Ученик И.И. Вальберха и Ш. Дидло. В 1812–1839 гг. был первым танцовщиком, педагогом (руководителем балетной школы) и балетмейстером Большого театра (Москва). Ему принадлежит заслуга восстановления московской балетной труппы после Отечественной войны 1812 года. Деятельность Глушковского оказала большое влияние на развитие русского балета XIX в. См.: Театральная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1961. С. 11–12.

²⁴ Общий архив... Д. 1812 г. № 231.

²⁵ Там же. № 249.

²⁶ Там же. № 81.

²⁷ Там же. № 249.

²⁸ *Погожев В.П.* Столетие организации... С. 169–174.

²⁹ Экосез – бальный танец шотландского происхождения; матрадур – старинный французский танец; полонез (польский) – танец-шествие, обычно открывавший бал. См.: *Любецкий С.М.* Указ. соч. С. 281.

³⁰ Вист, бостон – коммерческие карточные игры; лябет – ремиз в карточной игре. См.: Там же.

³¹ A la Sandrilion – как у Золушки (фр.).

³² Брыжи – складчатая оборка у ворота рубашки.

³³ Причёски à la Titus – модные в начале XIX в. мужские причёски со взбитыми надо лбом завитыми волосами; погружительные шляпки – шляпки-капо-ры в виде довольно глубокой закрывающей лицо корзинки, с завязками; башмаки à la Dupon – с завязками вокруг щиколотки, названные в честь известного в те годы балетного танцовщика Дюпора. См.: *Любецкий С.М.* Указ. соч. С. 281.

³⁴ Речь идёт о романах «Страдания юного Вертера» И.В. Гёте (в первых русских переводах «Страсти молодого Вертера»); «Матильда, или Крестовые походы» Марии Когген (его главные действующие лица – Матильда и Малек-Адель) – первый перевод романа на русский язык вышел

только в 1828 г.; «Жизнь кавалера Фоблаза» Ж.Б. Лувре де Кувре; «Похождения Жилблаза де Сангилланы» А.Р. Лесажа; «Парижская дура, или От любви и легковёрности происходящие дурачества» П.Ж.Б. Нугаре; «Тысяча и одно дурачество» П.Ж.Б. Нугаре в переводе П.И. Страхова; «готические» романы А. Редклиф: «Удольфские тайны», «Лес, или Сент-Клерское аббатство», «Юлия, или Подземелье замка Мадзини» и др. См.: Там же. С. 281–282.

³⁵ «...чувствительные конфетные билетцы – об этом стихотворном жанре, сохранявшем популярность до второй половины XIX в., рассказывается в мемуарах Н.А. Лейкина: в мелочных лавках продавались леденцы. "Они были со стихами на всунутых в них билетиках, совсем не детского содержания, хотя раскупались детьми. На билетиках было напечатано:

«Лучше в море утопиться,

Чем в несклонную влюбиться».

Или: «Мила ты мне, мила.

И будешь, и была».

А то: «Катя, ангел, как не стыдно

Сердце взять и не отдать»".

(*Лейкин Н.А.* Мои воспоминания // Петербургское купечество в XIX в. СПб., 2003. С. 131–132.)

В пьесе Ф.В. Ростопчина "Вести, или Убитый живой", действие которой происходило в 1807 г., был выведен стихотворец Пегасовский, говоривший о себе: "Прежде, бывало, верный доход от кондитеров. Писал стишки для билетов; но сие из моды вышло" (*Ростопчин Ф.В.* Ох, французы. М., 1992. С. 185). Некоторые старинные надписи на билетках сам С.М. Любецкий приводит в очерке: Предание о Святках // *Любецкий С.М.* Старина Москвы и русского народа в историческом отношении с бытовою жизнью русских. М., 2004. С. 222». См.: Там же. С. 282.

³⁶ Ю.А. Нелединский-Мелецкий был автором ряда популярных песен и романсов: «Выйду я на реченьку», «Ох, тошно мне» и др.».

³⁷ «Русалка» – иначе «Днепровская русалка», русская переработка оперы Ф. Кауэра «Фея Дуная»; русский текст Н. Краснопольского, музы-кальные дополнения С.И. Давыдова и К.А. Кавоса. Была исключительно популярна среди русского публики в первой трети XIX в. (ария из неё упоминается, в частности, в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина»). См.: *Любецкий С.М.* Указ. соч. С. 282–283.

³⁸ Амурёзные картинки на махальцах, т.е. сценки галантного содержания, нарисованные на веерах.

³⁹ «Путь ко спасению, или Разные набожные размышления, в которых заключается нужнейшая к общему знанию часть богословия» – книга русского просветителя Ф.А. Эмина, выдержавшая в конце XVIII в. пять изданий; «Угроз Световостоков» – книга немецкого писателя-мистика И.Г. Юнг-Штиллинга. СПб., 1806. Ч. 1 – 8. См.: *Любецкий С.М.* Указ. соч. С. 283.

⁴⁰ «Иностранцы, особенно французы, уже около 70 лет до того времени гнездились в России, более в столицах. Ещё Посошков писал, что иноплеменники прорыли себе разные входы в Россию. Шпионы Наполеона, это невидимое войско, распространяли слух, что Наполеон идёт не воевать с русскими, а несёт им свободу». См.: Там же. С. 95.

⁴¹ Поготово (устар.) – подавно, пуше.

⁴² «Наталья боярская дочь» – драма С.Н. Глинки по повести Н.М. Карамзина (1805); «Добрые солдаты» – комическая опера Раупаха, текст Хераскова (1779); «Илья Богатырь» – волшебная опера И.А. Крылова, музыка К. Кавоса (1806); «Иван Сусанин» – духахтная опера А.А. Шаховского, музыка К. Кавоса; «Минин и Пожарский, или Освобождение Москвы» – оратория, музыка С.А. Дехтярева, слова И.Д. Горчакова (1811). См. *Любецкий С.М.* Указ. соч. С. 283.

⁴³ Там же. С. 94–97.

⁴⁴ См.: Там же. С. 113, 287.

⁴⁵ Там же. С. 146–147, 117.

⁴⁶ Общий архив... Д. 1812 г. № 11.

⁴⁷ Общий архив... Д. 1815 г. № 249.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Погожев В.П.* Столетие организации... С. 174–178.

⁵⁰ Общий архив... Д. 1815 г. № 249.

⁵¹ Первая кн. Царств. 16.23.

⁵² О мадам Жорж см.: *Военский К.А.* Французская актриса в России накануне 1812 года; актриса Жорж в Петербурге и Москве в эпоху Отечественной войны // Ист. вестн. 1901. № 10; *Он же.* Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. М., 2011. В 1813 г. актриса покинула Россию. См.: *Любецкий С.М.* Указ. соч. С. 296.

⁵³ «Этот театр на Арбатской площади, выстроен был в 1803 г. на земле, купленной у кн. Хованского, и сгорел во время пребывания французов в Москве. Это было хотя деревянное, но прекрасное круглое здание-ротонда с галереями и множеством дверей для выхода, на случай пожара. Перед описываемым мной временем в Москве образовалась французская труппа, под управлением г-жи Бюрсей; при вступлении неприятелей в столицу некоторые французские генералы, проезжая по Арбату, мимо театра, говорили: "Здесь играла наша славная Жорж, где-то она теперь?". См.: Там же. С. 158.

⁵⁴ «Жорж почиталась соперницей первой парижской актрисы, Дюшенуа, в то же время прибыла из Петербурга в Москву наша актриса, Семёнова, она являлась на сцене в русских спектаклях по четвергам, а Жорж во французских по субботам; оба эти дни театр был наполнен зрителями, для получения билетов многие приходили в театр с вечера и всю ночь толпились у дверей конторы; обе актрисы являлись в трагедиях Расина и Вольтера. Любители и знатоки драматического искусства были от игры обеих актрис в восторге. Публика раздалась тогда на две партии: жоржистов и семёновистов, главой последней был гр. Ф.В. Ростопчин, написавший сам несколько театральных пьес». См.: *Любецкий С.М.* Указ. соч. С. 296.

⁵⁵ См.: Там же. С. 157–161, 296.

⁵⁶ *Кони Ф.А.* Придворная труппа Императора Наполеона в Москве 1812 г. // Пантеон. 1840.

⁵⁷ *Souvenir d'une actrice, par madame Louise Fusil.*

⁵⁸ Наполеон был знаком с А.Л. Нарышкиным, о чём сказал его сыну Льву после его ареста в Москве. См.: *Нарышкин А.К.* В родстве с Петром Великим: Нарышкины в истории России. М.: Центрполиграф, 2005. С. 471.

⁵⁹ «Это был прекрасный дом с колоннадой, выстроенный по плану ар-

хитектора Бове; по смерти Познякова его купил кн. Юсупов и перестроил». «Дом П.А. Познякова у Никитских ворот сохранился в перестроенном виде: Б. Никитская ул., д. 26/2». См.: *Любецкий С.М.* Указ. соч. С. 158, 296.

⁶⁰ Там же. С. 157–161.

⁶¹ «Игра любви и случая», комедия в 3 актах и в прозе Мариво, следующая за «Любовник-автор и лакей», комедия в 1 акте и в прозе Серо.

⁶² Драбант – охранник, телохранитель.

⁶³ «Рассказ бывшего первого солиста на скрипке при моск. театре Анд. Петр. Полякова: он сам играл (поневоле) в оркестре этого театра и получил жалованье, 83 наполеондора золотом, в чём и расписался в кассовой книге. С ним играл там другой русский музыкант, виолончелист, Татарин; они, наравне с французскими артистами, ходили за порцией говядины в Петровский монастырь, имели охранные листы и носили треугольные шляпы с кокардами. После они были за то судимы русским правительством, но оправдались тем, что им нечем было питаться: они окончательно были ограблены. (Театральные артисты жили до неприятелей в Леонтьевском переулке, в нанятом от казны доме кн. Голицыной.) Подслушав прекрасную, отчётливую игру Полякова в этом доме, французы завербовали его в свой оркестр». См.: *Любецкий С.М.* Указ. соч. С. 157–161, 297.

⁶⁴ «Речь идёт о пьесах: комедии П.О. Бомарше "Женитьба Фигаро", комедии Ш.С. Фавара "Солиман Второй, или Три султанши", трагедии П. Корнеля "Сид", трагедии Вольтера "Заира", "Рассеянный" – возможно, речь идёт об одноактной комедии А. Коцебу "Рассеянные". "Проказы в тюрьме" атрибутировать не удалось. См.: Там же. С. 296–297.

⁶⁵ «О московском танцмейстере Ламирале, высланном Ф.В. Ростопчиным из Москвы вместе с другими неблагонадёжными французами, см.: *Глушковский А.П.* Указ. соч. С. 122–126. Танцмейстер П.А. Иогель (выведенный, как типичное для допожарной Москвы лицо, в романе Л.Н. Толстого "Война и мир") был привлечён к участию во французском оккупационном театре; остался в Москве и продолжал свою деятельность танцевального учителя вплоть до конца жизни (1855 г.)). См.: Там же. С. 297.

⁶⁶ «Кашин оставался в Москве, но некоторые театральные артисты наши приютились тогда в Костроме, в доме губернатора Пасынкова, и давали там спектакли; иные были в Ярославле, где потешала публику и известная цыганка Стёшка. (Знаменитая цыганская певица С.С. Солдатова (Стёша) выступала с собственной труппой (три певицы, скрипач, гитарист). Услышать её пение хотел Наполеон, но приказ найти её не был исполнен, так как певица находилась в Ярославле.)). См.: Там же. С. 157–161, 297.

⁶⁷ *Кони Ф.А.* Указ. соч.

⁶⁸ Трагедия в 5 действиях в стихах М.М. Хераскова «Освобождение Москвы» шла в Петербурге 28 октября и 1 ноября 1812 г. См.: *Любецкий С.М.* Указ. соч. С. 145–293.

⁶⁹ «В 1812 г. она получила двойной фрейлинский шифр "ЕМ", на котором были обозначены начальные буквы имён супруги Александра I – императрицы Елизаветы Алексеевны и вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. Волкова была пожалована фрейлиной вместе с девицами Елизаветой Ивановой Нарышкиной и Александрой Ивановной Пашковой». См.: Грибоедовская

Москва: В письмах М.А. Волковой к В.И. Ланской, 1812–1818. М., 2013.

⁷⁰ Там же. С. 63.

⁷¹ Там же. С. 76–77.

⁷² *Погожев В.П.* Столетие организации... С. 178–183.

⁷³ Цит. по: *Погожев В.П.* Исторические очерки. С. 533.

⁷⁴ Там же. С. 261.

⁷⁵ Общий архив... Д. 1812 г. № 95.

⁷⁶ «Директор придворного московского театра Наполеона, Боссе, дал своё ландо и лошадей артисткам Андре и Бюрсей, прочие поместились как и где попало; мороз и в кареты просовывал холодные иглы свои; много потерпели они и не все достигли Парижа, лошади их падали среди дороги, сам Боссе ехал верхом на пушке («на бронзовом коне», говорили французы). Г-жа Фюзи в Вильно нашла какую-то сиротку, 5 лет, покинутую в суматохе родителями, во время приближения к Вильно русских; она привезла её в Париж. Это событие подало повод Скрибу написать водевиль, под названием "Ольга, русская сирота". По отъезде артистов, в московском театре нашли страшное запустение: в нём валялись дохлые лошади, коридоры завалены были разломанной мебелью и разбитыми зеркалами, уборные засорены обрезками парчи и бархата. См.: *Любецкий С.М.* Указ. соч. С. 191–192.

⁷⁷ Общий архив... Д. 1812 г. № 249.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ «Мочаловы – семья русских актеров:

1) Степан Фёдорович (1775 – 1823) – отец П.С. Мочалова. Был крепостным помещика Н.Н. Демидова, играл в его домашнем театре. В 1803 вступил в труппу московского Петровского театра. В 1806 вошёл в труппу учрежденного в том же году московского императорского театра и вместе с семьей получил вольную. В искусстве М., стремившегося отойти от классицистской манеры игры, преобладало эмоциональное начало. По словам С.Т. Аксакова, "в душе у него было много чувства и огня". Исполнял главные роли в произведениях Шекспира (Гамлет, Отелло), Мольера (Альцест – "Мизантроп"), Озерова (Эдип – "Эдип в Афинах"), Коцебу (Мейнау – "Ненависть к людям и раскаяние") и др. М. был первым учителем своего сына П.С. Мочалова и дочери, впоследствии известной актрисы М.С. Мочаловой (Франциевой).

2) Авдотья Ивановна – мать П.С. Мочалова. Крепостная актриса помещика Н.Н. Демидова. Играла роли служанок, субреток.

3) Мария Степановна (по мужу Франциева, 1799–1862) – сестра П.С. Мочалова. Выступала вначале в Москве, затем в провинции. Исполняла роли драматических героинь (Ксения, Антигона – «Димитрий Донской» и «Эдип в Афинах» Озерова), позднее – комических старух. Некоторое время держала антрепризу в Воронеже (в её театре гастролировал П.С. Мочалов)». См.: Театральная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1964. Т. 3.

⁸⁰ Общий архив... Д. 1812 г. № 249.

⁸¹ *Любецкий С.М.* Указ. соч. С. 253–254.

⁸² Там же.

⁸³ *Свиньин П.П.* Ежедневные записки в Лондоне. СПб., 1817. Цит. по: *Любецкий С.М.* Указ. соч. С. 243–244.